

СЛОВО О ВЛАДИМИРЕ ЖАБОТИНСКОМ

**К 125-летию со дня рождения
выдающегося лидера национально-освободительного движения еврейского народа**

Он ввел меня в литературу. От всей личности Владимира Евгеньевича шла какая-то духовная радиация. В нем было что-то от пушкинского Моцарта, да пожалуй, и от самого Пушкина. Он казался мне лучезарным, жизнерадостным, я гордился его дружбой...

Корней Чуковский

В конце декабря 2004 года, накануне Нового года, выпала мне удача – вырваться из моей сумасшедшей работы на неделю в отпуск. Да еще как вырваться – из холодного и ветреного в это время года острова Лонг-Айленд под Нью-Йорком прямо на тропические пляжи острова Эспаньола в Карибском море. План у меня был простой – ничего не делать, ни о чем не думать, много спать и много плавать в океане, гулять под пальмами с восхода до заката по песчаным пляжам, пить по вечерам коньяк, а главное – никаких эмоций. Все так и было, по плану, за исключением эмоций. Эмоции исключить не удалось из-за Владимира Жаботинского, который заставил меня плакать слезами грусти и радости на далеком южном острове.

А дело было вот как.

Перед отъездом в отпуск приехал я в Квинс по житейским делам и, как обычно, зашел в магазин русской книги на 108-й улице. Магазин этот я знаю давно и давно наблюдаю, как книги постепенно вытесняются в нем кассетами и дисками кинофильмов – печальный признак падения интереса к чтению, которое замещается не требующим интеллектуальных усилий просмотром в ящик. Тем не менее в маленьком закутке, не отобранном еще у книги, увидел я небольшой томик с известной картиной Марка Шагала на обложке и хорошо мне известным именем автора – Владимир Жаботинский.

Признаюсь – не сразу решил я купить эту книгу. Некоторое время колебался, держа ее в руках, но колебался отнюдь не из-за цены, а совсем по другой причине. Владимир Жаботинский – рассуждал я – всемирно известный политический деятель, лидер сионизма. Кажется, я знаю о нем все, знаю и то, что Жаботинский писал романы, пьесы и поэмы на семи языках мира. Вот и об этом романе «Пятеро» я неоднократно читал в биографиях автора. Биографы хвалили Жаботинского, как хорошего писателя, даже ссылались на весьма лестные оценки Максима Горького и Александра Куприна. Это так типично – когда человек становится известным политическим деятелем, люди начинают приписывать ему достижения едва ли не во всех областях человеческой деятельности. Не разочаруют ли меня литературные попытки Жаботинского? Стоит ли мне вообще заниматься литературным творчеством Жаботинского, если интересуется меня на самом деле совсем другая сторона его деятельности? Так я сомневался некоторое время, но книгу все же купил.

На пляже под пальмой раскрыл я томик Жаботинского и начал лениво, как это бывает на отдыхе, читать его рассказы. С рассказов начать легче – они короткие, можно и

бросить сразу же, если не интересно. Прочитал один короткий рассказ, другой, потом, еще не понимая, что со мной происходит, взялся уже нетерпеливо за третий, даже не рассказ, а какое-то диво дивное – повесть «Диана», и уже не мог оторваться от захватывающих образов то немыслимо далеких, то невыразимо близких мне людей, и внезапно не то чтобы понял, а замершим сердцем ощутил волну трепетного восторга, которая накатывалась на меня в дни далекой юности ...

Тогда, в юности, такая волна приходила с «Поединком» Куприна, с «Дамой с собачкой» Чехова, с рассказами Джека Лондона, О. Генри, Бунина, Бабеля... И вот теперь – неизвестный мне Жаботинский...

Как мог я, всю жизнь читающий книги, пропустить эти литературные шедевры? Да что я – как великая русская литература прошла мимо таланта масштаба Куприна и Бунина?

Владимир Жаботинский родился в Одессе в 1880 году.

В отличие от большинства видных сионистов он никогда не увлекался ни марксизмом, ни социализмом, никогда не участвовал в революционных движениях. Спектр отношения Жаботинского к этим учениям и движениям простирался от скептического презрения до резкого неприятия и никогда не окрашивался в положительные тона. Национальное освобождение еврейского народа – вот что захватило его, еврейского Гарибальди, с молодых лет.

В 1903 году Жаботинский участвовал в работе Шестого сионистского конгресса в Базеле, где первый и последний раз видел и слышал великого Теодора Герцля. Неукротимая, нечеловеческая воля лидера сионизма, мрачный и влекущий огонь пророка, не оставлявший сомнения в том, что как он сказал, так и будет, произвели на молодого Жаботинского ошеломляющее впечатление – он становится рьяным сторонником Герцля, профессиональным политиком и агитатором.

Во время Первой мировой войны Жаботинский вопреки большинству растерянных сионистов решительно встал на сторону Антанты, добился формирования Еврейского легиона, вступил в него рядовым солдатом, а затем служил в Палестине офицером Британской армии. В 1920 году Жаботинский возглавил в Иерусалиме вооруженные отряды Хаганы и сформулировал концепцию регулярной еврейской армии самообороны. Британские власти, не способные поддерживать порядок, арестовали его и приговорили к 15 годам каторжных работ, но вынуждены были через несколько месяцев выпустить из-за нарастающих протестов во всем мире.

В 1921 году Жаботинский входит в состав Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации. В 1925 году организует новую партию сионистов-ревизионистов «Зогар», в программе которой – создание еврейского государства по обоим берегам реки Иордана путем массовой колонизации при поддержке вооруженной еврейской молодежи. В 1931 году на 17-ом Сионистском конгрессе Жаботинский потребовал ясно и недвусмысленно сформулировать конечную цель сионизма – создание еврейского государства, однако конгресс даже не вынес на голосование соответствующую резолюцию из-за опасения негативной реакции англичан и арабов, после чего он разорвал свою карточку делегата и с возгласом «Это уже не сионистский конгресс!» покинул заседание.

В 1935 году Жаботинский окончательно порывает со Всемирной сионистской организацией и учреждает Новую сионистскую организацию со штаб-квартирой в Лондоне; делегаты от почти одного миллиона избирателей из 32 стран мира, представители молодежи и интеллигенции, разочарованные в нерешительной дипломатии Хаима Вейцмана на фоне нарастающих нацистских преследований, вручили судьбу сионизма в руки Владимира Жаботинского. Новая сионистская организация Жаботинского разрабатывает план немедленного расселения в Палестине полумиллиона евреев – сам лидер все более склоняется к мысли о необходимости срочной эвакуации евреев из Европы.

В 1937 году на заседании Британской королевской комиссии по разделу Палестины Жаботинский в яркой речи пророчески заявил, что положение евреев в Европе приближается к катастрофе мирового масштаба, и потребовал немедленного создания еврейского государства, несмотря на протесты арабов. «Когда претензии арабов вступают в конфликт с просьбой евреев о спасении, – сказал Жаботинский – это напоминает спор человека, у которого разыгрался аппетит, с нищим, умирающим от голода!»

В 1940 году Жаботинский выезжает в Америку для формирования еврейской армии, которая сражалась бы с нацистами в Европе, и в августе внезапно умирает от разрыва сердца в еврейском молодежном лагере «Бетар» в Лонг-Айленде близ Нью-Йорка.

Такова краткая хроника жизни Владимира Жаботинского. Незадолго до смерти он завещал:

«Я хочу быть похороненным там, где меня настигнет смерть. Мои останки будут перевезены в Эрец–Израэль только по приказу будущего еврейского государства.»

Это пророчество писателя сбылось в 1964 году – по решению правительства Израиля прах Жаботинского был привезен из США в Израиль и захоронен на горе Герцля в Иерусалиме.

В историю и идеологию сионизма Жаботинский внес ясное понимание невозможности создания еврейского национального очага в Палестине мирным путем, четкое представление о неизбежности вооруженного конфликта с арабами. В отличие от других лидеров сионизма, в том числе Хаима Вейцмана, он не заблуждался и в отношении англичан. Жаботинский утверждал, что только вооруженной борьбой, только силой можно заставить арабов, англичан и весь мир признать еврейское государство в Палестине:

«О добровольном примирении между палестинскими арабами и нами не может быть никакой речи ни теперь, ни в пределах обозримого будущего. За исключением слепорожденных, все уже давно поняли полную невозможность получить добровольное согласие арабов на превращение этой самой Палестины из арабской страны в страну с еврейским большинством».

Жаботинский едко высмеивал левосоциалистических лидеров сионизма, считавших, что арабы согласятся на заселение евреями Палестины в обмен на блага цивилизации. Его убеждения вытекали, на самом деле, из уважения к арабскому народу:

«Покуда есть у арабов хоть искра надежды избавиться от нас, они этой надежды не продадут ни за какие сладкие слова и ни за какие питательные бутерброды, именно потому, что они не сброд, а народ...»

Жаботинский считал, что единственный выход состоит в создании «железной стены» – вооруженного еврейского государства. Арабы, считал он, примирятся с еврейским присутствием только тогда, когда в этой «железной стене» не останется ни одной лазейки. Не оставить арабам никакой надежды на исход евреев из Палестины – вот единственный путь еврейского заселения и существования в Палестине. Жаботинский резко возражал тем, кто считал его подход противоречащим морали и справедливости. Отчуждение маленькой части огромной территории у народа-латифундиста для того, чтобы дать очаг народу-скитальцу – безземельному и бездомному еврейскому народу – есть акт справедливости, поэтому заселение евреями своей древней родины даже с применением силы морально оправдано – так считал Жаботинский.

История более чем подтвердила взгляды Жаботинского – только вооруженной борьбой и железным кулаком евреи создали свое государство и защитили его от арабских нашествий. Однако история любит повторяться в виде фарса, чтобы показать, что невосприимчивый к учебе человек никаких уроков из истории извлечь не в состоянии.

Подобно тому, как левые социалистические лидеры в 20-х годах пытались получить арабскую любовь за жирный «питательный бутерброд», так нынешние израильские левые пытаются получить признание арабов за жирный территориальный бутерброд в виде Палестинского государства. Вопреки предупреждениям Жаботинского, израильские левые пробили лазейку в «железной стене», и через эту лазейку сначала проникла надежда арабов на ликвидацию еврейского государства, а затем – кровавый, невиданный в истории человечества террор фанатиков-самоубийц, от которого нет защиты. Ладно бы палестинские арабы скрывали свои намерения в отношении еврейского государства, так нет же – они ясно, четко, так, что и слабоумному понятно, объясняют, что не нужно им смехотворное и нежизнеспособное лоскутное государство рядом с Израилем, что не пойдут они ни на какие уступки ни за какой территориальный бутерброд, что им нужна вся Палестина – не больше и не меньше. Но те, кому арабы это втолковывают, давно разучились слышать и видеть, а лидера масштаба Владимира Жаботинского давно уже нет.

Это был необыкновенно, может быть, даже уникально одаренный человек. В энциклопедиях сказано, что он свободно владел семью языками, среди них были русский, иврит, французский, английский и итальянский – на этих языках Жаботинский писал пьесы, романы, поэмы и публицистические статьи. На иврит и русский он переводил мировую классику с английского и французского. Да, разве дело в количестве языков, которыми владел Жаботинский. Значительно важнее, что он владел пророческим даром. Три сбывшихся мрачных пророчества Жаботинского особенно потрясают.

Он предсказал, что евреи, поверившие в интернационал и пошедшие в русскую революцию в надежде получить там место в братстве свободных народов, будут жестоко обмануты и получат, в конце концов, тот же государственный антисемитизм, от которого они сбежали в интернационал.

Он предсказал полное истребление евреев в Европе.

Он предсказал создание государства Израиль в постоянной, жестокой и кровавой военной конфронтации с арабами.

И вот – я читаю роман этого пророка под названием «Пятеро».

Роман захватывает читателя с первых, будничных строк и не отпускает вплоть до последнего, величественно-трагического аккорда – прощания с навсегда утерянной Одессой, когда читательская выдержка уже на исходе и рыдания подступают к горлу. И это – несмотря на отсутствие захватывающего сюжета, едва ли не отсутствие вообще какого-либо действия. Весь роман соткан из обрывков воспоминаний о тех пятерых, уже давно ушедших в небытие, а вернее – сметенных с лица земли бурей XX века. Искусно

сплетенные нити воспоминаний постепенно формируют живые, сочные, незабываемые образы тех пятерых – таких разных и таких одинаково обреченных.

О чем он – этот роман? Комментаторы говорят – об Одессе. Да, действительно, после того, что и как сказал об этом городе Владимир Жаботинский, хочется вернуться в него и взглянуть глазами Жаботинского. Я не одессит, но часто бывал в Одессе в советские годы. Город не произвел на меня сильного впечатления – даже Бульвары, Дерибасовская, Пушкинская, Фонтаны, Дюк, даже Одесский порт и Привоз. Все было грязноватым, неуютным, запущенным, абсолютно без столь известного по литературе и столь желанного одесского колорита. Немало читал я и прежде об Одессе – и у Валентина Катаева, и у Исаака Бабеля. И это тоже как-то не задело – замечательные персонажи остались в памяти навсегда, а город прошел мимо. Жаботинский мягко и ненавязчиво вернул меня в Одессу, показал, как на нее нужно смотреть и что за увиденным скрывается, развернул передо мной трогательную цветную панораму города с моря. И я, потрясенный, устыдился своего прежнего бесчувствия и непонимания. И захотелось мне снова посмотреть этот город. А еще – порадовался я за одесситов и завистливо подумал: «Почему не нашлось в великой русской литературе таких же душевных и теплых слов о моем родном городе Санкт-Петербурге?».

И тем не менее не могу согласиться с тем, что «Пятеро» – роман об Одессе. Как и всякий великий роман, он – о многом. И о судьбах предреволюционного поколения, и о трагическом разрыве этого поколения с наследием прошлого, и о страшной судьбе молодых людей, вступавших в кровавый разлом XX века. Но, в первую очередь, это – роман о любви. Поразительный факт – создание романа о любви 56-летним Жаботинским на пике его титанической борьбы за спасение еврейского народа в задыхавшейся от злобы Европе.

Я прежде не представлял себе Владимира Жаботинского способным на такие мягкие, нежные лирические чувства, на окрашенное в романтические тона восприятие окружающей жизни. В его публицистике я видел жесткого, непримиримого, холодного и презрительно равнодушного к сантиментам политического лидера и воина. И не один я – эпитет «холодный» приклеился к Жаботинскому и, пожалуй, превратился в штамп. Известный литературовед Михаил Осоргин еще в 30-е годы называл Жаботинского «холодно-любезным» писателем. Но внезапно открылся мне другой, отнюдь не холодно-любезный, а напротив, теплый и трогательно милосердный Жаботинский – человек беспредельной любви к людям, человек малопрактичный и ранимый, человек высокого, рахманиновского романтического порыва. Я всегда был приверженцем политических взглядов Жаботинского, но только после романа «Пятеро» внезапно понял, как на самом деле близок мне этот далекий человек, живший в другом веке.

Я не литературный критик и, вероятно, не в состоянии проанализировать тонкости связей прозы Владимира Жаботинского с русской классической литературой. Просто хочу посоветовать – не пройдите мимо этой замечательной прозы.

Юрий Окунев
Январь-Февраль, 2005